

Морская звезда

Леонид ШУР

18+

Леонид ШУР

Морская звезда

«Автор»

2026

ШУР Л.

Морская звезда / Л. ШУР — «Автор», 2026

Взрослые верят, что города стоят на твёрдой породе. Но под ними раскинулось Море Солей — густое, цвета запёкшейся крови, где по дну тянутся кабели, пытающиеся соединить тех, кто давно перестал слышать друг друга. Тридцать лет водолаз Антуан чинил эти кабели, прячась от боли за медным шлемом. Он не приехал, когда родилась его дочь Мари. Она прожила шесть дней и стала Морской Звездой — принцессой, чьё сердце не выдержало слишком яркого света. Теперь, на дне, он встречает её снова: она ползёт по рифу, а на её луче сидит Анемона — живая боль, которая не отпускает. Это сказка для тех, кто знает: иногда нужно разбить себя на части, чтобы научиться лететь. История о том, как тишина становится ответом, а боль — оболочкой, в которой прячется любовь. Если вы плакали над «Маленьким принцем», эта притча не просто растрогает вас — она научит смотреть вверх, даже когда вокруг только солёная тьма.

© ШУР Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Леонид ШУР

Морская звезда

Глава

У меня была дочь. Она жила шесть дней. Я не приехал.

Я мог сказать: «Работа». Я мог сказать: «Ещё немного». Я мог сказать: «Потерпи». Я говорил это тридцать лет. Сначала — Розе. Потом — себе. Потом — никому.

Сегодня я спустился на дно Моря Солей, чтобы услышать голос дочери. Или чтобы больше не слышать тишину.

I

Шестьдесят лет назад меня называли Антуаном. Тридцать из них я прятался на дне Моря Солей под видом водолаза. Я чинил кабели.

Наверху бушевал ураган. Я не слышал его. Но шланг дёргался, как бешеный. Воздух шёл рывками. Я знал: Роза там. Она держится за что-то. Я не знал, за что.

До утра — шесть часов. Если я не починю кабель — Москву отключат. Погаснут окна. Замолчат лифты. Остановятся часы. Она останется в темноте. Одна.

Я не знал, что хуже: то, что она останется одна, или то, что я всё ещё могу это исправить — и не исправляю.

Там, наверху, меня ждала Роза. Она осталась в Москве. Одна. С памятью о том, что мы потеряли. Я не звонил ей. Она не звонила мне. Мы ждали букв. Буквы не умеют вздыхать. Ветер умеет. Ветер не писал. Я спускался. Там, внизу, тишина хотя бы гудела.

В моём тяжёлом медном шлеме гудели вдохи и выдохи. Воздух шёл по ребристому шлангу, привязывавшему меня к поверхности.

Роза писала мне: «Приезжай». Я не приезжал. Писал: «Работа». Она писала: «Я устала ждать». Я писал: «Ещё немного». До утра оставалось шесть часов — тридцать лет, сжатые в одну ночь. Я чувствовал их кожей — соль считала секунды.

Последнее письмо пришло три месяца назад. Я открыл его один раз. Буквы расплылись — Роза писала его мокрыми от слёз руками. Теперь я произносил его шёпотом по памяти. Оно лежало в кармане скафандра, размокшее, солёное. Я носил его у сердца.

Я достал письмо. Развернул. Бумага расплзлась между пальцами. Но я знал строки наизусть. Я читал вслух — в шлеме, в воде, в тишине. Голос мой не выходил наружу. Он оставался внутри. Как всё остальное.

«Антуан!

Я пишу тебе в третий раз за неделю. Первые два письма я порвала. В этом не будет ничего красивого.

Я не жду тебя. Я жду, когда перестану ждать. Это разные вещи.

Ты, наверное, думаешь, что я сильная. Я не сильная. Я просто перестала спрашивать, почему ты не едешь. Потому что ответ я знаю: тебе легче чинить кабель, чем смотреть мне в лицо.

Я не упрекаю. Я тоже так делала. Я тоже пряталась — в комнате, в молчании, в чашке чая, которую держала двумя пальцами, чтобы не расплескать.

Но я больше не могу прятаться в тебе. Ты стал слишком глубоким. Я не достаю до дна. Я устала. Не от тебя. От глубины.

Приезжай или не приезжай. Но перестань молчать так, будто молчание — это ответ. Оно не ответ. Оно — дыра. Я в неё падаю.

Твоя Роза.»

Я дочитал. Соль разъела бумагу в том месте, где было её имя. Я держал письмо у сердца. Оно было мокрое. Солёное. Тёплое — от меня.

Я не ответил. Я спустился.

Я знал, что не напишет. Она знала, что не напишет. Мы оба знали. И молчали.

Я помнил, как она держала розовую чашечку — двумя пальцами, оттопырив мизинец, словно боялась, что фарфор расплавится от её тепла. И как поправляла волосы — не ладонью, а тыльной стороной кисти, быстро, будто отгоняла муху. Эти жесты всплывали в шлеме чаще, чем её лицо. И ещё я помнил, как она однажды положила ладонь себе на живот и посмотрела на меня. Тогда я не понял. Я думал: она хочет сказать, что мы будем втроём. Я думал: она боится. Я думал: я скажу что-нибудь. Но я ничего не сказал. Я надел шлем. Я спустился. А когда всплыл — её уже не было. Только пустой пирс. И тишина, в которой должен был звенеть мой ребёнок.

Я был привязан дважды: шлангом к кораблю наверху и кабелем к чужому одиночеству. Если я не почию кабель к утру — Москву отключат. Там погаснут окна. Замолчат лифты. Останутся часы. Она останется в темноте. Одна.

Я чинил. Медленно. Тридцать лет. Шланг дёрнулся. Наверху кто-то ходил. Роза. Или ураган. До утра — четыре часа. Я не разжал.

II

Роза думала, что города стоят на твёрдой породе. Она не знала, что под всеми континентами раскинулось Море Солей. Оно густое, цвета запёкшейся крови, и состоит из тишины, которая не стала звуком. Именно по дну этого моря тянутся кабели, пытающиеся соединить тех, кто давно не слышит друг друга.

Иногда я просто лежал на дне. Не чинил. Не плыл. Просто лежал. Соль въедалась в царапины. Шланг дышал. Я смотрел вверх, на свет фонаря, и думал: если я умру здесь, меня найдут через тридцать лет. Или не найдут. И это было хорошо. Не грустно. Не страшно. Просто хорошо.

В тот день я опустился на дно, потому что наверху мне стало слишком тихо. Кабель, который я чинил, связывал мой берег с тем, где жила она. Мы давно не слышали друг друга. Зачем звонить и рисковать тишиной, если можно просто отправить буквы? Но буквы не умеют вздыхать. Я думал: если я восстановлю связь, быть может, она решится позвонить. Быть может, я снова услышу: «Привет, Антуан. Я скучала».

Мои руки покрывали царапины. Соль въедалась в них, кристаллизовалась в ранах, и всякий раз, сжимая кулак, я чувствовал, как стекло режет меня изнутри. Я не надевал перчатки. Медный воротник шлема впился в ключицы, а ребристый шланг пульсировал в такт с моим

сонным нервом. Мне казалось: перестань я чувствовать боль — и я забуду, зачем спустился сюда.

Шланг закрипел, впиваясь в ключицу. Наверху что-то рвалось. Я знал: если шланг оборвётся, я останусь здесь. Навсегда. И это было не страшно. Это было спокойно. Я испугался этого спокойствия больше, чем смерти.

Кабель оказался порван. Коснувшись меди, я обжёг пальцы не солью — пустотой. Провод стыл на дне, словно линия, по которой давно никто не стучал. В его тишине звенело эхо пустой колыбели. Я сжал кулак. Соль вошла в царапины, и я не разжал. Если разожму — придётся всплыть. Кабель молчал. Если он не заговорит к рассвету, её окна погаснут.

Я плыл вдоль рифа. Течение било меня в грудь, как кулак. Ураган наверху гнал воду вниз, и меня вдавливало в дно. Я уперся ботинком в камень, но камень раскрошился под весом. Шланг натянулся, закрипел.

Что-то схватило меня за ногу — холодное, скользкое. Я рванул, но оно держало. Я посмотрел вниз: из расщелины тянулись щупальца Морской Капусты. Они обвивали мой ботинок, тянули ко дну. Я ударил ногой. Щупальце лопнуло, брызнула обжигающая слизь. Она прожгла скафандр, и я зашипел от боли. Но поплыл дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.